

Советский журналист А. Тер-Григорян пять лет работал в Китае. В основу его рассказа «Короткое счастье Се Чжэна» положены реальные события, характерные для периода так называемой «культурной революции» в КНР.

Короткое счастье Се Чжэна

А. ТЕР-ГРИГОРЯН

ПЛАТЬЕ стесняло ее. Светло-зеленое платье с бесчисленными белыми орхидеями. На него ушли все буняо¹ за год. Пять цуней² пришлось даже признать у сестры. Недавно в «Чжунго циннянь бао» появилась статья, в которой прямо говорилось, что красивая одежда — вовсе не позор для революционера, и комсомольский секретарь Ся Мин-шэнь поддержал на институтском собрании автора статьи. Правда, он сказал, что это его личное мнение. Хуа Мэй-лань удивилась вместе со всеми, но, как и все, промолчала. Да и думать об этом не хотелось, потому что практической возможности купить платье не было.

И вдруг этот ситец. Не обычная синяя материя — совсем синяя с одной стороны и сероватая с другой, — а зеленая ткань с белыми цветами. И всего-то семь чи³ и пять цуней плюс какие-то два с половиной юаня денег. Мэй-лань решила. И теперь поминутно краснела, вспоминая о своем наряде. А у Се Чжэна, когда он искоса взглядывал на нее, кружилась голова. Он никогда раньше не видел ее такой. Фигурка Мэй-лань, освобожденная от синей долгополой стеганки и ватных брюк, сразу сделалась необыкновенно ладной и стройной. Она к тому же расплела две тонкие и короткие косички, торчавшие в разные стороны, и связала волосы красной лентой на затылке. О ее вчерашнем облике напоминали, пожалуй, лишь черные матерчатые тапочки.

Они шли в гору по каменистому руслу высохшего ручейка.

Здесь, на Бадачу, он впервые понял, что не может жить без Мэй-лань. Это было год назад, когда они приезжали сюда всем курсом и историк Дэн рассказывал — очень толково — о каждой из восьми пагод. Не произошло ничего особенного.

Просто когда все уселись на траве в круг, а Дэн стал в центре и начал свою лекцию, Се Чжэн смотрел на Хуа Мэй-лань и сердце его стучало гулко и учащенно, как деревянный буддийский барабан в виде рыбьей головы.

Потом само собой получилось, что они вдвоем задержались у развалин какой-то стены, и Се Чжэн прочитал ей стихи Тао Юань-мина о небе, рассеченном красной рекой заката, и одинокой пагоде у темного леса.

— Да, древние знали цену созерцанию! — проговорила Мэй-лань задумчиво. — А сам-то ты пишешь?

И тут Се Чжэн, совсем потеряв голову, прочитал ей свои ци, о существовании которых никто на курсе и не подозревал. О любви одинокого лотоса, выросшего посреди пруда, к далекой орхидее на берегу и о тяжести неразделенного чувства. Слова «мэй» и «лань»⁴ присутствовали в каждой строке.

Хуа Мэй-лань вскочила, густо покраснела, схватила Се Чжэна за рукав:

— Бежим скорее, мы ведь отстаем!

Потом им все было понятно без слов. Только иногда Мэй-лань, поймав его восхищенный взгляд, грустно шутила:

— Ты разве забыл, что на первом месте должна быть революция, а любовь — на последнем?

— Что там у тебя с Хуа Мэй-лань? — спросил его как-то комсомольский секретарь Ся.

Се Чжэн недоуменно пожал плечами:

— Как что? Дружба. Вместе изучаем труды председателя Мао.

— Смотри, не давай волю белым чувствам! Не сползай в болото буржуазного индивидуализма! — посоветовал Ся.

Се промолчал, внутренне усмехнувшись. Раньше выкорчевывали «белые мысли», теперь заговорили о «белых чувствах».

¹ Буняо — талоны на хлопчатобумажную ткань.

² Цунь — китайская мера длины, вершок.

³ Чи — 0,33 квадратного метра.

⁴ Мэй — прекрасная, лань — орхидея.

— Мы поженимся, Мэй-лань? — спросил он, боясь обернуться. Она шла сзади.

— Да, — прошептала она чуть слышно.

— Завтра! — сказал он. Потом закричал во всю мощь легких:

— За-а-втра!

Это было их первое прямое объяснение без стихов или иносказаний.

Мэй-лань опешила. Почему завтра? О браке она привыкла думать как о чем-то далеком.

— Понимаешь, — объяснил Се Чжэн, — послезавтра у нас последнее собрание, через два дня начнется практика, а потом распределение на работу. Если мы уедем в разные концы страны, не зарегистрировав брак, то потом не сможем съехаться. Не дадут же мне пропуск, скажем, в Цинхай только потому, что там у меня работает знакомая девушка. А к жене когда-нибудь все-таки отпустят. Я все продумал.

Этот день был свободен от занятий, от полит-учебы и от юньдун⁵. Это был их день, целый день, долгий, большой, солнечный. Древние архитекторы понимали толк в сочетании цветов — красного, синего и зеленого. Повсюду на Бадачу и позже, на Душистых горах, их преследовали эти цвета. Куда ни повернешь голову — красные ворота или стена, кусочек синего неба, изумрудно-зеленая ветвь сосны.

В Биюны они поднялись на белую пагоду, на самый верх. Остановились у места, где замурована в стене одежда Сунь Ят-сена.

— Знаешь, — сказал он, — в последнее время мне не дает покоя мысль о том, что и среди участников учанского восстания, и в колоннах Великого похода были уже будущие бюрократы, будущие Ся Мин-шэни.

— И будущие дураки вроде тебя! — рассердилась Мэй-лань.

Потом в нижнем павильоне они рассматривали стеклянный гроб, который был прислан из Москвы, но не успел прибыть к похоронам Сунь Ят-сена. Суня похоронили в другом гробу, а этот, из серебра и стекла, выставили здесь для всеобщего обозрения.

— Что за дурацкая надпись! — воскликнул в сердцах Се Чжэн и прочитал: — «Этот гроб является символом китайско-советской дружбы». Грамотей, который это писал, и не подозревал, наверное, сколь трагически может звучать его нелепая фраза в будущем! Знаешь что? Давай пойдем в ресторан «Сян-шань» и поедим хундун⁶!

— Дорого! Да и талонов у меня с собой нет.

— Во-первых, талоны есть у меня, а во-вторых, вот пять юаней, которые жгут мне карман уже две недели, дожидаясь этого дня. Что я, Лэй Фэн, что ли?

Оба расхохотались. В ресторане они заказали хундун, жареных креветок в яичном желтке, шпинат, капусту с перцем и кувшин горячего шаосинского вина.

— Моя фамилия Ли, — представился старенький и совсем лысый официант в халате, который когда-то был белым. — Вы едите острое? Соленое? Какие креветки пожарить? Мелкие или крупные? Вино подогреть сильно или чуть-чуть?

⁵ Юньдун — б. у. в. движение. Особый род полит-занятий по выявлению идеологических «вызвов» каждого члена коллектива; исповедь на людях с обязательным самобичеванием.

⁶ Хундун — китайская лапша.

— Мы хотим, чтобы ты все сделал по своему вкусу, лао⁷ Ли. Спасибо. Только сперва принеси нам, если можно, по чашке чаю.

Они сидели друг против друга раскрасневшиеся, смущенные, и взгляды их были красноречивей слов.

— Баобэй! Ты моя баобэй!⁸ — тихо проговорил Се Чжэн.

Щеки Мэй-лань сделались совсем пунцовыми.

— Возьми себя в руки, Чжэн, на нас ведь смотреть! Ты в последнее время совсем потерял дафан⁹.

— Плевать я хотел на этот феодальный дафан! Вот ведь как будто хорошая вещь — воспитывает сдержанность в человеке, терпимость. А кто ею пользуется? Те же Ся Мин-шэни. Маркс бы ужаснулся, узнав, что его именем у нас прикрывают догмы Конфуция. Начальство говорит, а ты слушай и исполняй. Думай при этом что хочешь, но помалкивай и не давай своим чувствам отразиться на лице. Можешь мысленно не бояться чертей, но не отрицай их. Сегодня тебе говорят, что Советский Союз старший брат, завтра...

— Чжэн, умоляю тебя, не произноси этих слов.

Лао Ли принес мелких, чуть покрупнее рисинок, креветок, уже очищенных от панцирей, опустил в миску с кипятком сосуд с шаосинским.

— Чувствуете аромат, молодые люди? В старое время на кабачке в Баодине, где я работал, была надпись: «Только собака ничего не смыслит в винном аромате, который исходит наше заведение». Теперь надпись, наверное, сняли, хотя аромат, конечно, сохранился... Я заказал для вас еще жареный бамбук. Он совсем дешевый и очень вкусный. Если не хотите, можете отказаться.

— Неси, неси свой бамбук, дорогой лао Ли.

— Сматри, Чжэн, до чего он похож на нашего преподавателя Сюй Чжао-линя, — рассмеялась Мэй-лань, когда Ли отошел. — Точно такой же лысый и такой же добрый... Чжэн, я давно хотела тебе сказать: ты слишком раздражителен и прямолинеен. Тебе это когда-нибудь припомнят.

— Баобэй, ты ли это говоришь, что с тобой? Если единственным нашим чувством станет страх, для чего жить? Твой Сюй Чжао-линь каждую лекцию об английской фонетике начинает и кончает цитатами из четвертого тома Мао. Неужели он не может без этого обойтись? Ведь он-то все понимает. Ну, боится, конечно, — он из старых интеллигентов, прошел через все перевоспитания и чистки. А я? Я сын рабочего, убитого гоминьдановцами в Шанхае. Неужели и я должен бояться называть глупость глупостью, подлость — подлостью? И кто это придумал, чтобы люди в социалистическом обществе жили в страхе, как попугаи повторяя мертвые формулы! Да никогда в жизни, пусть хоть сам...

— Не смей издеваться над этим именем! — почти крикнула Мэй-лань и зашептала:

— Он не может быть плохим. Что бы ни говорил. Конечно, кругом подлость и извращение великих идей... Но он не виноват... Все знают, что он запретил называть города и улицы своим именем. Это вокруг него нечестные люди.

— Не знаю. Ничего не знаю. Голова кругом идет. Давай выпьем. Еще год назад, когда мы исключали из комсомола Ван У, я голосовал за ис-

⁷ Лао — почтенный, старина. Вежливая форма обращения.

⁸ Баобэй — драгоценная раковина. Ласкательное обращение к женщине.

⁹ Дафан — норма поведения, согласно которой, в частности, на лице человека не должно отражаться то, что он чувствует.

ключение. А ведь если вдуматься — ничего страшного Ван У не сказал. Он лишь заявил Ся Мин-шэню, что произведения председателя Мао — не свод религиозных канонов, а мы — не монахи.

— А его отец долго жил в Советском Союзе и потом все время защищал белые мысли своих студентов перед парткомом... С тобой могут сделать то же самое... Ну для чего, например, ты издеваешься над Лэй Фэном?

— Я вовсе и не думал издеваться. Я просто сказал, что ничего героического в Лэй Фэне нет. Подумаешь, не ездил в трамвае и «отдавал революции» сэкономленные фыни. Носил носки в пять раз дольше, чем другие, и писал дневники о любви к председателю. Прошлым летом, ты знаешь, я был месяц на практике в министерстве иностранных дел, ездил по стране переводчиком с двумя гостями из Англии и Канады. Так вот в Лояне входим мы в один храм, осматриваем зал за залом, местный товарищ, лоянский, рассказывает известные исторические факты, те кивают, я перевожу. И вдруг в последнем зале — выставка о жизни Лэй Фэна. Оба как засмеются, загрохочут, мы стоим растерянные, не знаем, что предпринять. «Дай им отпор», — говорю я. А он трясется — никаких инструкторов насчет отпора не получал. Ну, я, значит, сам вылез. «Смех ваш, товарищи, мне непонятен! — говорю. — Что смешного в нашем национальном герое, хорошем ученике председателя Мао?» А англичанин отвечает: «Смешно только то, что вы таким образом боретесь с «ревизионизмом» Гагарина!».

Я, конечно, не нашелся, что ответить. А сам подумал: «Тот, кто изобрел Лэй Фэна, наверное, все же не слишком умен. Объявляет идейную войну Советскому Союзу и противопоставляет Гагариным Лэй Фэнов!».

— Но у нас ведь разный технический уровень, — громко сказала Мэй-лань, забыв о своем страхе. — Об этом надо помнить.

— При чем тут технический уровень? Он играет роль, когда руководители специально выбирают эталон героя, как это случилось с Лэй Фэном. Но ведь Гагарина не выбирали — он возник естественно, порожден всем укладом советской жизни. А нам твердят: «Перерожденцы, ревизионисты!». А твой Лэй Фэн — просто-напросто призыв к каждому воспитывать в себе рабство... Конечно, все образуется, все пройдет, и у нас победит подлинная коммунистическая мораль. Но когда?

— Я люблю тебя, Чжэн! Я так боюсь за тебя и за нас с тобой. Мы две песчинки в этом страшном водовороте, два зерна, которые неминуемо окажутся между жерновами!..

Он нашел ее руку под столом, крепко сжал тонкие пальцы, долго, неотрывно смотрел в полные слез глаза — огромные, расширившиеся, испуганные.

* * *

— Для вас записка — передали по телефону, — сказал ему дежурный по общежитию.

«Собрание переносится на завтра, на двенадцать. Захвати личные вещи. Ся», — прочитал Се Чжэн пляшущие иероглифы. Почему «личные вещи»? Он тут же забыл о записке.

Счастье переполняло его. Он лег и сразу погрузился в долгий и сладкий сон наяву. Он стоял на трибуне, говорил слова, от которых глаза у ребят делались совершенно круглыми. Он защищал Мэй-

лань — ее кто-то хотел опорочить, спасал ее от разъяренной толпы. И он читал ей стихи в парке летнего дворца Ихэюань, в лодке на пруду, проплывая мимо ажурного мостика из камня «далеши». Стихи звучали великолепно. Он даже хотел встать и записать их, чтоб не забыть, но свет разбудил бы товарищей.

Собрание оказалось не факультетским, а общеинститутским и проходило в актовом зале. Не было никакого президиума — у стола стоял Ся Мин-шэнь, рядом с ним сидел, опустив голову, старик Суй Чжао-линь.

— Дорогие товарищи! — начал Ся, не предложив избрать председателя и секретаря. — Только что закончился пленум ЦК нашей партии, который вел наш любимый вождь, наше красное солнце, наш великий кормчий и самый дорогой учитель товарищ Мао Цзэ-дун. Под его непосредственным руководством был разработан великий план великой пролетарской культурной революции, знаменующей собой новый этап в развитии Китая. Дорогие товарищи! В авиационном институте уже созданы отряды красных охранников. Неужели мы отстанем от них и не создадим свою организацию «Хунвэйбин», которая могла бы бороться против лиц, пролезших в партию и комсомол и идущих по капиталистическому пути?

Се сидел, перекинув через плечо ремень тяжелой сумки с вещами, и почти ничего не слышал, относясь ко всему как к обычной, бессмысленной трескотне, которой всегда занимался Ся. И вдруг до него дошел смысл последних слов секретаря:

— ...этот негодяй и отщепенец только для виду приводил некоторые цитаты из произведений Мао Цзэ-дуна, искажая их смысл. Ни разу не заявил он во всеуслышание, что главным в овладении английским языком являются бессмертные работы председателя. Этот субъект отравлял наше сознание, на протяжении многих лет бросал в наши души ядовитые семена так называемой научной методологии, подобранной в выгребных ямах империализма и ревизионизма. Вот он сидит перед вами, вы видите его гнусное обличье. Наш суд над ним — революционный суд. Получай, гадина! Я бью тебя от имени собравшихся.

Ся взмахнул указкой, лежавшей перед ним на столе, и ударил старика по лысой голове. Тот охнул. Брызнула кровь.

— Фашист! — закричал не помня себя Се Чжэн. — Самурай! Тухлое яйцо! Как ты смеешь!

Его схватили. А Ся Мин-шэнь продолжал, медленно, будто наслаждаясь производимым эффектом, смакуя каждое слово:

— Моральный облик перерожденца и контрреволюционера Се Чжэна нам ясен уже давно. Я хочу временно прервать свое выступление и попросить сказать несколько слов студентку Хуа Мэй-лань, которая была близка с классовым врагом, но вовремя опомнилась, сообразив, на краю какой пропасти оказалась.

Се Чжэн не верил глазам. К трибуне подошла Мэй-лань в своей обычной синей куртке, с обычными косами-жгутами и, сощурив глаза, обратилась прямо к нему:

— Склони голову, несчастный! Твои предательские стихи не обманули меня! Различными инсинуациями и намеками ты хотел подорвать во мне веру в наше самое красное, наикраснейшее солнце — председателя Мао. Ты хотел заставить меня восхищаться советским ревизионизмом, все время разглагольствовал о космонавтах, восхищался Гагариным. Играя на еще сохранившихся у меня

белых чувствах, ты почти насильно затащил меня вчера в ресторан и нападал там на красный цвет.

— Все, что говорит Хуа Мэй-лань, подтверждается заявлением официанта Ли Цзин-сюня, которое он принес нам сегодня утром,— вставил неизвестно откуда появившийся у стола секретарь парткома института Ван Ша-мяо.

Се Чжэн ничего не чувствовал, не видел, кроме совершенно чужого серого лица Мэй-лань.

— Взять его под стражу! — раздалась команда где-то сзади. Четверо студентов с красными повязками на рукавах, которых он раньше не заметил, потащили его к пустовавшему первому ряду скамей. У одного парня за плечом болталась винтовка.

— А теперь возьмемся за господина Ся Мин-шэня,— спокойно проговорил Ван Ша-мяо.— Этот субъект распинался здесь в своей революционности, но спасти лицо ему уже ничто не поможет. Это махровый агент бывшего пекинского городского комитета партии, организовавшего гнусный разговор против председателя Мао.

Через несколько минут Ся Мин-шэнь оказался на одной скамье с Се Чжэном и стариком Сюем. А еще через полчаса и сам партийный секретарь Ван был объявлен агентом бывшего горкома и черной рукой Пын Чжэня.

Всем заправлял какой-то толстый тип в гимнастерке, но без петлиц, с красной повязкой на рукаве.

Их повели со связанными руками к вокзалу. Сзади шла толпа студентов — все, кто был на собрании. Студенты громко пели всю дорогу, до самой платформы, «Алеет Восток».

* * *

Никогда в жизни Се Чжэн не думал, что может так страстно желать смерти. Он мечтал о ней тупо, упорно, стараясь ничего не оживлять в памяти, ни о чем не думать, не тосковать. Вместе с другими арестованными их привезли на маленькую станцию Сехэцзянь, развязали руки, раздали лопаты и корзины.

— Будете делать насыпь для второго пути! — приказал совсем молодой парнишка, лет пятнадцати, с трудом надевший на лицо маску серьезности и суровости и этим вызывавший невольный смех.— Через каждые два часа — перерыв на час для того, чтобы вы учили наизусть цитаты из произведений председателя Мао,— объявил он.— А во время работы — обязательно петь не переставая «Алеет Восток».

Несколько дней все было так, как сказал юнец.

Потом о них как будто забыли. Они носили гравий в корзинах, ссыпали его без всякого плана рядом с колеей. Охранники-хунвэйбины собирались в станционном бараке, о чем-то спорили, временами били друг друга.

— Одному я рад,— сказал Се Чжэн, не глядя на Ся Мин-шэня, оказавшегося рядом,— одному рад — что ты, скотина, сейчас рядом со мной и я рано или поздно с тобой разделюсь.

Это было первое острое чувство, кроме жажды смерти, которое он испытал после предательства Мэй-лань.

— Не там ищешь врага, Се Чжэн,— сказал вдруг Ся дружелюбно.— Я тебя только упек бы сюда на год — и все. А вот Ван заставил Хуа Мэй-лань выступить против тебя. Пригрозил, что тебя расстреляют, если она не продемонстрирует публичное отречение от классового врага. Это был пер-

вый его козырь, с помощью которого он надеялся удержаться. Вторым козырем был я. Я видел, когда его брали под стражу,— твоя Мэй-лань сунула ему какую-то записку.

Ночью Се набросился на Вана, схватил его за горло, пригрозил, завладел запиской, вышел, зашагал под луной по шпалам. Долго боялся прощест, потом остановился, развернул смятый обрывок линованной бумаги:

«Чжэн, я умираю с твоим именем в сердце. Узнаешь ли ты когда-нибудь об этом?! Но ты будешь жить. И если не получишь этой записки, воспоминания обо мне будут терзать тебя. Только это мне страшно».

Он шел, не глядя вперед, по шпалам, обезумевший от горя, ссутулившийся под тяжестью ненависти. Где-то далеко возник в ночи стук колес.

«ПРИЗРАК» ПЕРЕСЕКАЕТ ЗАМБЕЗИ»

Так называется новая приключенческая повесть Льва Берингова, которую мы начинаем публиковать в апрельском (четвертом) номере нашего журнала.

В Южно-Африканской Республике существует немало различных секретных подрывных групп расистов. Одна из них связана с «Оссева брандваг» — профашистской полувоенной организацией. Эта группа занимается убийствами прогрессивных африканских деятелей, потенциально опасных для расистского режима, участвует в подготовке и осуществлении государственных переворотов. Основанная на документальных материалах повесть «Призрак» пересекает Замбези» рассказывает о подрывных действиях южноафриканских расистов и родезийской разведки против независимой Африки.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «АЗИЯ И АФРИКА СЕГОДНЯ», ИЗУЧАВШИХ ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК ПО НАШЕМУ «САМОУЧИТЕЛЮ» И «ПРАКТИКУМУ»

В январском номере 1969 года завершено издание «Практикума по японскому языку», выпускавшегося отдельными выпусками в качестве приложения к журналу.

Читателям, продолжающим изучать японский язык, рекомендуется обращаться в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука» (Москва, Центр, Армянский пер., 2), которая предполагает выпустить пособие по изучению японского языка отдельной книгой.